

НАШЕ ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО

к 75-летию МХАТа

ВЕЛИКИЕ ЗАВЕТЫ

М. ПРУДКИН,

народный артист СССР

1919 год. Гражданская война. Москва в снежных сугробах. Утро. По Камергерскому идет высокий, влажностный чело — в толстой тростке в руке — это К. С. Станиславский направляется в театр. Первые его вопросы в администрации: «Тепло ли в театре?», «Запаслись ли дровами?» и «Как с обедами для артистов?». В то голодное время многие артисты обедали в театре, и К. С. Станиславский заботился о том, чтобы эти обеды были хоть в какой-то мере питательны. Ровно в назначенное время К. С. Станиславский начинал репетицию. Он ставил тогда «Камни Бая».

— Сейчас на театре лежит большая и особая ответственность, — говорил нам Константин Сергеевич, — зритель ждет большого и серьезного разговора о новой жизни. Но пока еще нет советской драматургии, я решил обратиться к байроническому «Камню», на мой взгляд, произведенную большой, мятежной мыслью...

Пусть этот спектакль не в полной мере можно считать удавшимся, но искреннее желание Станиславского говорить со сцены в это грозное время о большом свидетельствует о той ответственности перед народом, перед революцией, которую всегда ощущал Станиславский.

Как пример, насколько важна была для К. С. Станиславского смысловая сторона спектакля, мне вспоминается такой эпизод. Репетировали мы пьесу А. Афиноганова «Страза», в которой роль старой большавички Клары была поручена старшей актрисе Художественного театра О. Л. Книппер-Чезовой. И вот за неделю до премьеры К. С. Станиславский убедился, что исполнению Книппер-Чезовой недостает той степени идейного, политического накала, которого требуют пьеса и спектакль, и, несмотря на глубокое признание таланта актрисы, он не пошел на компромисс и передал роль Н. А. Семеновской. И я помню, что О. Л. Книппер-Чезова, первая актриса МХАТа, отнеслась к требовательности К. С. Станиславского без всякой обиды.

В 1924 году К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко решили ввести в спектакль «Горе от ума» на ведущие роли совсем молодых артистов. Софья — К. Еланская, Лиза — В. Андрюшина, Молча — В. Станиславский. Мне была поручена роль Чацкого. Фамусов по-прежнему исполнил К. С. Станиславский. На репетициях мне не давалась сцена объяснения с Софьей в третьем акте. И вот К. С. Станиславский сказав, что сцена не получается оттого, что я сразу хочу сыграть результат, сразу обращаю к чувству, а чувство во капризно. «А вы попробуйте», — говорил Константин Сергеевич, — подойдите к нему через логику вашего физического поведения и не думайте сейчас о чувствах. Софья не желает с вами объясняться, она хочет уйти из зала. Вам же Софья необходима, и вы должны пытаться ее задержать. Теперь смотрите, как вы будете действовать, как вы будете следить за каждым ее движением, как надо будет заставить ее глаза, ее взгляд быть внимательным к вашим мыслям, и как каждое движение Софьи будет увеличивать силу энергии, настойчивости. При этом вы будете учитывать и то обстоятельство, что каждую минуту в зал могут войти и, а вам во что бы то ни стало надо сейчас же раскрыть ей глаза на молчаливое ничтожество и дознаться, кто же вы мила? И вот так, организуя ваше физическое поведение, вы оживите ваше чувство, и сцена из статичной станет динамичной, полной внутренней борьбы между Чацким и Софьей».

Вспоминаю и то, как творчески жил Станиславский во время спектакля «Горе от ума». Приезжал он в театр задолго до начала спектакля, ложился отдыхать в своей артистической комнате. Я гримировался в соседней комнате. Ровно за полчаса до начала спектакля к его двери подходил

костюмер Иван Куприянович, это был его старый товарищ по сцене, с которым он был дружен на «ты». «Костя, пораз, — произносил он. Константин Сергеевич начинал упражняться голосом, дикцией, читая куски монолога Фамусова, часто приглашал меня к себе и, что называется, эскизно проводил со мной некоторые куски роли. К. С. Станиславский всегда уделяя особое внимание молодежи. Когда в 1925 году М. Булгаков принес в театр свою пьесу «Дни Турбиных», шел спор, кому играть. Старшему поколению артистов МХАТа или молодежи, неизвестным театральному зрителю авторам. И К. С. Станиславский при всей своей любви и привязанности к старшему поколению артистов предпочтение отдал нам, молодым, ибо для него важно было воспитание ансамбля будущих артистов МХАТа.

Одним из важнейших элементов системы Станиславского является этика. Дисциплина в театре, моральный облик актеров имеют непосредственное влияние на процесс творчества. «Умейте любить искусство в себя, а не себя в искусстве», — повторял нам часто великий режиссер. Помню такой случай. Одна из ведущих актрис театра без уважительных причин несколько раз опаздывала в начале репетиций, и К. С. Станиславский не выдержал: «Премьерство! Заменяйтесь гением нам не нужно! Передать роль другой исполнительнице!» Это было много лет тому назад, но строгое поблаженное лицо Константина Сергеевича, его руки, нервно теребящие платок, в память до сих пор.

«Подлинный артист», — говорил он нам, — горит тем, что происходит кругом, он увлекается жизнью, жадно выбирает то, что видит, старается запечатлеть получаемое знание не как статистику, а как художника, не в записной книжке, а в сердце. Предназначение себя карьеры артиста это прежде всего раскрытие своего сердца для широкого восприятия жизни».

Подчас в понимании системы Станиславского у нас встречается еще примитивное толкование сценического искусства. Его систему сводят к школостству, простейшей арифметике. Все разложат ациркулярно, по логике, а вытиснут «алгеброй гармонию позерять», лишь систему Станиславского синтеза.

Чувство особого волнения, которое мы, изтопцы, старшие и молодые, всегда испытывали, подходя к дому № 6 в бывшем Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского), направляясь на репетицию к великому режиссеру, не покидало нас и тогда, когда мы шли поздравить Константина Сергеевича с его 75-летием. Чувствуя себя на вполне здоровым, он принял нас, лежа в постели. Около его кровати на маленьком столике стояло шампанское и бокалы. Бокал с шампанским был и в руке Константина Сергеевича. С каждым из подошедших он обменивался приветливыми словами. Подошла очередь и моя. Я присел около кровати. Константин Сергеевич взглянул своими прищуренными, пронзительными глазами и, слегка улыбаясь, спросил: «Ну как? Достигли в искусстве всего? Считаю, что все уже познано! Или есть червячки сомнения?»

В ответ я растерянно улыбнулся: «Конечно, Константин Сергеевич, еще далеко не все познано».

— Ну что же, тогда, значит, еще не все пропало. Запомните, совершенствованию мастерства артиста предела нет, — уже без улыбки, серьезно сказал нам Константин Сергеевич.

Это были слова гениального художника, не знавшего и не желавшего признавать творческого покоя за всю свою долгую, прекрасную жизнь, исполненную вдохновенного труда. Эти напутственные слова, полные гражданственности, смысла красоты труда, были последними словами, которые я услышал из уст великого Станиславского.